

Гендерное распределение трудовых обязанностей в карельской семье в конце XIX – начале XX в.

Ю. В. Литвин,

аспирант Института языка,
литературы и истории
Карельского научного центра РАН
(г. Петрозаводск, РФ)

Таким образом, разделение труда по половому признаку тесно связано с гендерными стереотипами, формирующимися с ранних лет. Именно через трудовую деятельность происходит социализация детей, а социальный конформизм стимулирует выполнение ожидаемой роли [4, 23].

Последняя четверть XIX – начало XX в. – время перемен в традиционном укладе крестьянской семейной, а значит, и производственной жизни, поэтому данный период позволяет проследить традиции уходящей патриархальной и особенности зарождающейся малой семьи.

Основой успешного функционирования крестьянского хозяйства можно считать половозрастное разделение труда, т. е. использование в хозяйстве как мужских, так и женских рук в соответствии с возрастными особенностями. Такая градация производственных операций позволяла наиболее эффективно использовать особенности и возможности организмов: мужского, женского, детского [3, 793]. Подобное разделение труда поддерживалось не только повседневной практикой, но и традицией: выполнять мужчине, даже мальчику, работу по дому в русской деревне считалось зазорным. Жители села старались придерживаться неписаных правил из-за боязни осуждения и насмешек со стороны односельчан. Мужчина не должен был делать женскую работу, а женщина – мужскую. Нарушение этих правил допускалось для холостяков или вдовцов [3, 797; 9, 161].

Дети включались в трудовую жизнь с ранних лет. Мы не будем касаться социализации девочек и мальчиков в карельской деревне, так как этот вопрос подробно освещен в исследованиях О. П. Илюха [6]. Отметим только, что к 16–17 годам девушки и

© Литвин Ю. В., 2010

*Ручная пахота дер. Ребойлы Пряжинского района. Фото Ю. Сурхаско, 1964 г.
Из кн.: Прибалтийско-финские народы России. М., 2003.*

к 17–18 годам юноши умели делать по хозяйству практически все. Однако чаще рубежом перехода во «взрослую» жизнь считался возраст в 15 лет [6, 42; 14, 260]. Остановимся подробнее на распределении некоторых видов сельскохозяйственных и домашних работ между взрослым трудоспособным населением карельской деревни, а для сравнения обратимся к примерам из жизни русского крестьянства.

Несмотря на неблагоприятные условия для занятия сельским хозяйством в Карелии и нехватку своего хлеба (кроме южных районов), крестьяне практически повсеместно занимались земледелием. Основные сельскохозяйственные работы включали в себя пахоту и сев, сенокос и жатву. Земледельческий цикл работ открывали пахота и посев яровых. Перед началом пахоты крестились, клали поклоны, обязательно здоровались с полем. Пахать полагалось при убывающей луне, «чтобы меньше было сорняков» [14, 222]. Чаще пахотные работы исполнялись мужчинами, но в бедняцких безлошадных хозяйствах бывали случаи, когда женщина тянула за собой соху, а сзади «всей грудью напирал на соху бедняк хозяин» [10].

Сев начинали при растущей луне, чтобы обеспечить высокую урожайность. Обычно хозяин сеял зерна, а хозяйка боронила [15, 222; 17, 159].

Сенокосная пора была непродолжительной – с 12 июля (Петров день) по 15–20 августа. Поэтому на сенокос отправлялись все члены семьи, за исключением стариков и детей [20, 30]. Немалая часть сенокосных лугов была удалена на большое расстояние от места жительства (10–20 км): в таких случаях с наступлением сенокосного времени крестьяне покидали дом на неделю, забрав с собой необходимую провизию [13]. Отсутствие женщин дома негативно сказывалось на детях, которых нередко оставляли на попечение

нянек – старших детей.

За сенокосом следовала жатва. В уборке хлеба также принимали участие практически все члены семьи. С этой стадией сельскохозяйственных работ у карел было связано много обычаев и примет. Например, жать обязательно начинала старая женщина; во время жатвы жницы не позволяли другим женщинам переходить через сжатую полосу; нельзя было подменять друг друга до конца рабочего дня. По окончании жатвы иногда кидали серп назад через себя: если серп втыкался концом в землю, значило, что жница проживет еще долго, если же втыкался округлым боком – она скоро умрет или заболеет [14, 222; 19, 27].

Мужчины помимо полевых работ должны были найти время для рыболовства [12, 6]. Следует учитывать и тот факт, что, даже уходя на заработки, они старались вернуться к сенокосной поре [19, 30].

Распространенной практикой было включение женщины в работу на третий или четвертый день после родов, так как мать к этому времени уже считалась здоровой [7, 28]. Иногда ребенка брали с собой в поле, но это лишь увеличивало нагрузку на женщину. Вот что сообщалось в этой связи в одном из докладов III съезда земских врачей Олонецкой губернии о санитарных и гигиенических условиях Повенецкого уезда: «Мать, кормящая грудью, целый день работает наравне с прочими, отрываясь только на несколько минут, чтобы покормить грудью своего ребенка. Приходит ночь, ребенок плачет от катаря ЖКТ (гастрита – Ю. Л.), так как у истомленной за день матери молоко изменяет свои качества и выделяется в недостаточном количестве, и женщина вприсонках убаюкивает его. А с утра опять на работу». Врач М. И. Карасев отмечал, что страдное время для женщины сродни пыткам инквизиции, одна из которых состояла в том, чтобы не давать человеку спать. «Неудивительно, – заключает докладчик, – что большая часть из них отцветает, не успевши расцвести, и иная женщина в 30 лет по наружному виду выглядит как 50-летняя старуха» [17, 12].

О распространенности подобного явления повсеместно в Российской империи было сказано на I Всероссийском женском съезде (1908 г.). Е. Н. Щепкина в докладе «Труд и здоровье крестьянки» приводила следующие цифры: к 25 годам каждая четвертая переносила более 10 беременностей; доля выкидышей превышала 25 %; у 35–40 летних – 70 %; заболеваемость женщин в два раза превосходила заболеваемость

мужчин [1, 236–237]. За скобками отметим, что данные цифры характерны скорее для южных и центральных губерний Российской империи. Карельская семья, особенно в северных районах, еще в середине XIX в. стала переходить на новую, «прогрессивную», модель репродуктивного поведения, соответственно и количество детей в семьях уменьшилось.

Домашние работы должны были исполняться крестьянкой независимо от нагрузки в поле. В основе разделения трудовых обязанностей здесь также лежал не только гендерный принцип, учитывались и возрастные характеристики каждого члена семьи. Так, в большой семье молодежь и здоровые молодые женщины отправлялись в поле, а старшие и подростки оставались дома. Повсеместно домашние работы включали в себя заботу о детях, приготовление пищи, изготовление одежды (прядение, ткачество), ее ремонт и стирку, уборку избы, уход за скотом и огородом, хождение за водой, сбор грибов и ягод [3, 796].

Распределением работ на день занимался глава семьи – большак. С вечера он давал указания относительно работы на следующий день, и распоряжения его подлежали неукоснительному исполнению, сам же он обычно оставлял домашние дела [5, 171].

Распределение домашних работ между женской частью семьи производила жена хозяина – большуха (старшуха). Обычно это была мать и свекровь для остальных женщин. При вдовых большаках (деде, отце, дяде или брате) большухой бывала старшая невестка или незамужняя сестра большака [5, 171]. Нередко выбор большухи зависел от экономических соображений, поэтому, например, в братской семье (подтип большой неразделенной семьи, которая состояла из взрослых братьев, родных или двоюродных, с женами и детьми) хозяйкой могла стать младшая невестка, взятая из богатой семьи, а не старшая, пришедшая из бедной семьи, с небольшим приданым [14, 261].

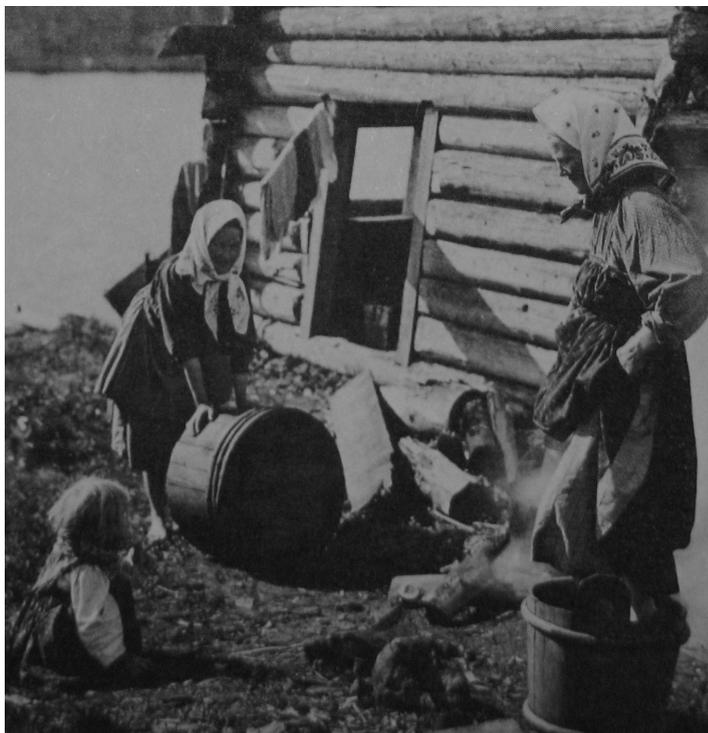
В большой патриархальной семье, состоящей обычно из родителей, их женатых сыновей с женами и детьми, холостых сыновей и незамужних дочерей, управляться с домашними заботами было легче. Так, например, большуха занималась приготовлением хлеба, сыра, творога и масла. Уход за скотом осуществлялся обычно младшей невесткой. Стирка белья, мытье полов, ношение воды распределялись большухой между остальными невестками [12, 7]. Девиц в больших семьях обычно не нагружали работой: они спали дольше всех, работали на себя, приготовляя приданое (шили, пряли) [16, 196]. Наравне с остальными членами семьи девушки участвовали в работах, требовавших большого количества рабочих рук: жатве, связывании сена в снопы, возке снопов, бороновании. Говоря об «организации» женского труда в большой семье, М. М. Громько отмечает, что в середине XIX в. в Воронежской губернии соблюдался следующий

обычай: женщины поочередно бывали «денщицей». Так называли ту, которая в данный день выполняла все основные работы по дому: топила печь, готовила еду, «набирала на стол», мыла посуду, кормила кур и свиней, доила коров. Вновь пришедшим в семью снохам свекровь предоставляла на год, а то и на два льготы: освобождала от обязанностей «денщицы», «отправляла за них сама день» [5, 172].

С конца XIX в. неразделенную семью вытесняет малая, нуклеарная, состоящая из брачной пары с одним или несколькими детьми. В такой семье все домашние работы распределялись между мужем и женой. Домашние работы в малой семье Олонецкой губернии распределялись следующим образом. Хозяин, если не участвовал в отхожих промыслах, уезжал или в лес (за дровами, бревнами, кольями, хвоей), или в поле (за рожью, овсом, житом, сеном), или на мельницу (молоть хлеб). Вечером после ужина он во дворе рубил хвою для добавления в корм скоту либо в избе расщеплял лучину, вязал сети, делал дровни, посуду и т. п. Хозяйка вставала в 4 утра и прежде всего готовила хлеб: месила тесто, топила печь, обязательно подметала пол. Готовила пойло скоту, после чего отправлялась в хлев, доила корову и процеживала молоко. Затем опять шла во двор – накормить скот. «Порядничала» в избе: пекла хлеб, рыбки, иногда колобы, калитки, блины. Исполнив это, заканчивала утреннюю порядню – «отпорядничалась». Днем ухаживала за скотом, занималась прядением или

Косьба косой-горбушей. Фото И. А. Никольского. Из кн.: Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905.

*Молодые женщины дома Савиновых в Миога за стиркой белья.
Из кн.: Inha I. K. Kalevalan laulumailta. Helsinki, 1999.*

*Карелка за стиркой белья.
Из кн.: I. K. Inha Kalevalan laulumailta. Helsinki, 1999.*

качеством, носила воду, доила корову. После обеда и ужина обязательно подметала пол [12, б].

Женщина много времени проводила, ухаживая за скотом. На этом моменте стоит остановиться. Хлев был не просто помещением для скота, это была своеобразная «территория женщины». Р. Ф. Тароева называла хлев «владением», «царством» карельской женщины. И действительно, практически все работы она выполняла в хлеву сама (за исключением времени выгона скота на пастбище, когда мужчины убирали навоз). Распространенным был обычай рожать в хлеву; здесь же женщина скрывалась от «мужнего гнева», а порой и от ругани свекрови [19, III]. Такая тесная связь женщины с уходом за домашним скотом породила множество примет и верований, магических обрядов и запретов. Повсеместно соблюдались традиции первого выгона в день Егория (Георгия Победоносца) – покровителя скота. По обычаю хозяйка дома (или дети) с колокольчиком на шее трижды обходила дом по солнцу и затем надевала колокольчик на шею коровы, что должно было оберегать скот от всего дурного. Согласно другому обычаю хозяйка – обязательно в шерстяных рукавицах – выводила скот так, чтобы животные переступали через положенную на землю кочергу, затем давала им кусочек «крестового хлеба» и произносила специальный заговор [14, 223]. Таким образом, женщина в цикле работ по уходу за скотом имела вес, к ее мнению прислушивались. Не случайно при покупке или продаже коровы хозяин всегда советовался с большухой и ее слово в данном случае было решающим [19, 32].

Следует обратить внимание также на то, что традиционное распределение трудовых обязанностей с четким отнесением той или иной сферы труда к «мужской» или «женской» нередко нарушалось в силу экономической необходимости. В случаях, если мужчина находился в отхожем промысле, был призван на действительную службу или мобилизован на войну, все хозяйственные работы исполнялись женщиной. Такая «эмансипация» в производственном процессе была явлением вынужденным и сопровождалась ростом общественной активности женщин-селянок [3, 797]. Анализируя источники, мы можем встретить многочисленные примеры, доказывающие и показывающие, что в Олонецкой губернии замена мужского труда женским была распространенным явлением. Отчасти это происходило в связи с развитым отходничеством: «женщины очень часто вынуждены, за отсутствием своих мужей, выполнять большую часть работ полевых, хозяйственных и общественных, как-то: пахоту земли, заготовку дров, поправки дорог, и полицейские, и чередническую» [2, 108]; «все полевые и домашние работы выполняются женским трудом (во время отсутствия мужчин на каменотесных работах – Ю. Л.). Женщина идет за сохой, она сеет, она ставит изгородь. Она же косит сено и мечет стога» [21, 13]; «карельская женщина хорошая работница и товарищ, не уступает в силе мужчинам, вынося на своих плечах во время отсутствия мужчин все хозяйственные заботы» [11, 254] и т. д.

Подобное положение вещей хотя и не вписывалось в традиционное понимание «долюшки женской», однако

присвоение «мужских» качеств женщиной не всегда осуждалось сельским сообществом, на него давалась социальная санкция, когда это было выгодно для экономики семьи, а значит, и общины. Но даже если женский труд в «мужской сфере» и не осуждался, то относились к нему сами крестьяне несколько скептически, о чем свидетельствует пословица: «После бабьей пашни выноси из избы квашню» [20, 391]. Но обратную ситуацию, в которой муж, например, занимался уходом за скотом, представить сложно, и примеров подобной смены ролей мы не встречали в источниках.

Кратко рассмотрев некоторые аспекты распределения трудовых обязанностей, отметим, что «двойная нагрузка» на женщину – это не изобретение XX в., она существовала и в традиционном обществе: женщина помимо домашних забот должна была принимать участие и в полевых работах, а в отсутствие мужчины брать на свои плечи и его обязанности. Как пишет И. Н. Милологова, расширение сферы женской ответственности трансформировало ее самосознание: во время длительной отлучки мужа-отходника женщина в малой семье становилась фактической главой дома, что рождало в ней чувство уверенности в своих силах [8, 73–74]. Да и мужчина, побывавший в Финляндии или Петербурге, нередко приобретал более демократичные взгляды [22, 184]. В целом малая семья в социальном плане была более мобильна, предоставляла

большую свободу своим членам, а значит, она может оцениваться как явление прогрессивное по сравнению с предшествующими семейными формами.

Однако у неразделенной семьи были свои неоспоримые преимущества, и в частности, более рациональное распределение обязанностей среди ее членов. В то время как в малой семье основной груз работ брали на себя два человека – муж и жена, в большой – наличие достаточного количества рабочих рук позволяло избежать перегруженности как женщин, так и мужчин. Несмотря на модернизационные процессы второй половины XIX – начала XX в., затронувшие и деревню, в большинстве случаев точкой приложения женских сил по-прежнему были дом и дети.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

семья; карельская женщина; Олонецкая губерния; гендерное распределение трудовых обязанностей; смещение гендерных ролей

family; Karelian woman; Olonets Province, gender distribution of duties; shift of gender roles

KEYWORDS

Поступила 18.02.2010

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Айвазова, С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия: очерки политической теории и истории. Документальные материалы / С. Г. Айвазова. – М., 1998.
2. Б-ков, М. Быт карела // Изв. Арханг. о-ва изучения Рус. севера. – 1913. – № 3. – С. 107–111.
3. Безгин, В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) / В. Безгин. – М.; Тамбов, 2004.
4. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе: опыт комплексного социального исследования / Н. М. Римашевская, Л. Г. Луныкова. – М., 2009.
5. Громыко, М. М. Мир русской деревни / М. М. Громыко. – М., 1991.
6. Илюха, О. П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX века / О. П. Илюха. – СПб., 2007.
7. Лесков, Н. Отчет о поездке к олонецким корелам летом 1893 г. // Живая старина. – 1894. – Вып. 1.
8. Милологова, И. Н. Крестьянка в русской пореформенной деревне // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 1998. – № 2. – С. 73–74.
9. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. Т. 1. Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. – СПб., 2003.
10. Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 36. Д. 29. Л. 27.
11. О Карелии // Изв. Арханг. о-ва изучения Рус. севера. – 1913. – № 6.
12. Певин, П. Очерк Горского прихода Петрозаводского уезда Олонецкой губернии [Электронный ресурс] // Олонец. губ. ведомости – 1894. – № 59. – С. 6. – Режим доступа: <http://ogv.karelia.ru>.
13. Покровский, П. Карел, его быт и занятия (Олонецкий уезд) [Электронный ресурс] // Олонец. губ. ведомости. – 1873. – № 6. – С. 65. Режим доступа: <http://ogv.karelia.ru>.
14. Прибалтийско-финские народы России / [Г. А. Аксянова, А. А. Зубов, Н. А. Долинова и др.]; отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. – М., 2003.
15. Пушкарева, Н. Л. Гендерная асимметрия социализации ребенка в традиционной русской семье // Гендерные стереотипы в прошлом и настоящем. – М., 2003.
16. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии / Рос. этногр. музей; сост. И. И. Шангина и др.; науч. ред. Д. А. Баранов и др. – СПб., 2008.
17. Санитарные и гигиенические условия жизни крестьян Повенецкого уезда (из доклада III съезда земских врачей) // Вестн. олонец. губ. земства. – 1909. – № 6.
18. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] / под ред. А. А. Денисовой. – М., 2002. – Режим доступа: <http://www.gender.ru/russian/glossary/#H0424>.
19. Тароева, Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР): этногр. очерк / Р. Ф. Тароева. – М.; Л., 1965.
20. Тихомиров, К. Водлозеро / К. Тихомиров // Олонец. губ. ведомости. – 1879. – № 33.
21. Успенский, П. Минусы отхожих промыслов / П. Успенский // Вестн. олонец. губ. земства. – 1909. – № 12.
22. Шикалов, Ю. Г. Архангельская Карелия: задворки Востока или форпост Запада? Репродуктивное поведение крестьян Архангельской Карелии в конце XIX – начале XX в. // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Вып. 1. – Петрозаводск, 2008. – С. 181–193.

